

8P24092

Э-80

Лео́нид
Ершо́в

ПАМЯТЬ
И ВРЕМЯ

8P2(092)

Е80

Леонид
ЕРШОВ

ПАМЯТЬ
И ВРЕМЯ

А-14202

Москва
«Современник»
1984

Оренбургская областн я
библиотека им. Н. К. Крупской

ли браконьер или «турист» из тайги, зависит само существование человека на бескрайних, но уже порядком опустошенных пространствах Сибири.

Виссариону Белинскому принадлежит такое наблюдение: «Если есть идеи времени, то есть и формы времени». Как протекала за последние 20—25 лет эволюция жанрово-стилевых направлений в нашей литературе?

В первое послевоенное десятилетие динамика прозаических жанров определялась господством трех основных разновидностей: документальная проза (мемуары), лирическая проза и художественно-публицистическая проза (очерк). Литературу 70-х — начала 80-х годов отличает то, что сейчас снова задает тон роман. Доминировавшее ранее тяготение к документальности и лиризму не прошло, но все более ощутимо стремление к синтезу, эпичности. Явственно обозначился переход от лиричности и фактографии к суровому реализму большой человеческой правды.

1983

ДОРОГОЙ ПАМЯТИ

Виктор Астафьев

Немало пословиц и поговорок сложено нашим народом. Среди них есть и такая: «Где родился, там и пригодился». Как и во всякой мудрости, провеянной веками человеческого опыта, это присловье заключает, помимо житейского пласта, еще и глубокий нравственный смысл. Может быть, незаметно, но властно то, что мы называем «малой» родиной, входит в духовный мир, определяя строй наших чувств и мыслей, этику и эстетику. Исподволь, постепенно формируются представления о таких, казалось бы, абстрактных категориях, как пространство и время, выявляются первопричины и следствия в таких стержневых понятиях, как земля и люди.

Можно увидеть и почувствовать страну, с которой нет кровной связи, догадаться о ее настоящем и будущем. Но поведает о ней взволнованно и терпко лишь поэт, чье босоное детство омыто утренней росой лужка за палисадом, а сердце согрето теплом отчего дома. Именно в детстве и отрочестве закладываются истоки всего — характер человеческий. Родовое гнездо — тот колодец, а может быть, оке-

ан, из которого черпаешь и не вычерпаешь. А от него уже берет разбег волна народной, национальной, исторической памяти.

Первые шаги Виктора Астафьева в литературе приходятся на конец 40-х — начало 50-х годов. Однако ни сборник рассказов «До будущей весны» (1953), ни роман «Тают снега» (1958) еще не предвещали рождения значительного художника. Многие в этих книгах не поднималось выше той беллетристики, что бывает отмечена примелькавшимися тематическими и стилевыми стереотипами и составляет обычно основной массив прозы.

Только начиная с «Перевала» (1959), а точнее, со «Стародуба» (1960), и то не с первой, а со второй редакции этой повести, можно говорить о появлении интересного писателя. Если в ранних произведениях речь шла преимущественно о сегодняшнем дне, то, начиная с «Перевала», автор обращается к минувшему. Овладение принципом историзма начинается с обостренного внимания к историческому — в случае с Астафьевым — автобиографическому или более отдаленному — дореволюционному материалу.

В «Перевале» поиски художника завершились открытием детского характера. И не просто мальчика-подростка Ильки, но сироты со своей недетски трудной судьбой. Самая большая мечта Ильки — сбежать от мачехи, увидеть бабушку с дедушкой. И мальчик готов принять суровый иску — многодневное путешествие со сплавщиками леса. В финале Илька в последний раз видит с берега удаляющихся на плоту попутчиков.

«Его душили слезы, но он не плакал. Реветь не надо. Он уже не тот опасный для «опчества» малец, у которого слезы готовы брызнуть от первой обиды и особенно от ласки.

Нет, он — рабочий человек!»

Все же не следует придавать решающего значения пребыванию Ильки среди лесосплавной артели. Это была промежуточная станция на пути к долгожданному счастливому мгновению — встрече с бабушкой и дедом.

Повесть стала заметным «перевалом» на пути к овладению художественным мастерством. Прежде герои писателя представляли в несколько лобовом, плоскостном освещении. Теперь автор широко обращается к искусству светотени, «боковым рефлексам», что придает персонажам необходимую объемность. Так, разномастная компания сплавщиков выписана достаточно убедительно: тут и стро-

гий, но справедливый бригадир Трифон Летяга, и артельный пересмешник Круподер, которого мужики же переименовали в Дерикрупа, и изъеденный желчью Исусик, на чьем иконописном лице застыла уксусная гримаса.

Все же взрослое окружение Ильки — это еще образы, при создании которых ощутимы скованность и несвобода. Они не столько изнутри раскрывают свои качества, сколько иллюстрируют некоторые заданные им свойства.

Этого недостатка мы уже не обнаружим в «Стародубе» (1960). Первая редакция повести вскоре после публикации была переработана. Снятыми оказались вступление и заключение, написанные в наивно-дидактической манере, заметной правке подвергся весь текст. Прежде всего были переработаны предложения и фразы, содержащие инверсию, тем самым устранялся элемент нарочитой стилизации.

И все же хотелось бы напомнить одно место из «Вступления к первой редакции «Стародуба», которое, на наш взгляд, имеет принципиальный смысл. Оправдывая свое обращение к далекой истории, автор так объяснял цельность подобного акта: «Воспоминания всегда навевают грусть, но прах, пыль прошлого имеет одно хорошее свойство — они не запорошивают глаза, а помогают лучше видеть сегодняшнее».

Повесть «Стародуб» посвящена Леониду Леонову. Знаменательная примета! Здесь не только тематика близка леоновской, главное — в самом методе ощутимо восхождение к философскому видению мира, которое не то что приходит на смену, но существенно дополняет прежнюю лирико-драматическую манеру письма. Борения добра и зла, истинное и мнимое представление о достоинстве человеческой личности, бережное отношение к природе — это и многое другое становится предметом углубленного исследования художника. Словом, как бы в спрессованном виде, как будущее дерево в малом зерне, заключена тут проблематика всего последующего творчества Астафьева.

Особый интерес испытывает писатель к двум натурам — выломившемуся из «древлеотческих» устоев кержаков непокорному и дерзкому Фаефану и его приемному сыну Култышу. Обоих их роднит сыновно-рачительное отношение к природе: «Тайга — клад, но с чистым сердцем надо к нему притрагиваться...» Они в равной мере нетерпимы к тем, кто нарушает извечные законы тайги. Фаефан может сказать своему родному сыну Амосу, убившему соболиху,

которая ждет потомство: «Ты враг природе...» И добавить с горечью, убежденно-отчужденно: «Вра-аг!»

Охотник Фаефан, в отличие от кержаков с их экзальтированной религиозностью, равнодушен к религии. Но его принципы более святы, чем у жителей Вырубов. Он мог бы выразить их словами старого ботаника Морозова из повести С. Залыгина «Наши лошади»: «Если природа — это бог,— верю». Здесь же в «Стародубе» впервые вводится мотив мести тому, кто, ослепленный алчностью, посягает на живую и неживую природу: сама тайга жестоко расплачивается с Амосом за обиды и посягательство на ее святыни.

Уже в «Перевале» прозвучала, пока еще подспудно, тема, которая позже станет одной из центральных. Это важный для этической концепции художника момент испытания человека бедой, горем, испытания его на истинную человечность. Так рождается у Астафьева афоризм: «Железо калит огонь, человека — беда».

Многих беды закаляют, делают благороднее и совестливее, а кто-то звереет и дичает, норовя для себя урвать выгоду. Значит, прохождение горнила трудностей само по себе не столь уж нейтральный процесс. Это дорога с двусторонним движением.

Залогом нравственной чистоты, духовной цельности выступает в «Стародубе» умение поэтически видеть мир, ощущать его красоту. Култыш может потерять единственную избранницу, на весь век остаться одиноким, но он не в силах изменить «незнойному солнышку» — таежному цветку стародубу «с таким мохнатым и духовитым стеблем, будто все лесные запахи впитались в него».

В «Стародубе» скупно сказано об исконных крестьянских делах — пашне и огороде. Персонажи Астафьева крепко привязаны к земле, но героев своих он чаще всего выбирает из тех, кто трудится не на ниве, а занимается двумя самыми древними и первыми человеческими ремеслами — охотой и рыболовством. При этом герой-охотник лишен возвышенного ореола: простой, порой внешне неказистый трудяга в вытертой беличьей шапке. Абсолютно чуждый щеголеватости и горделивой позы, он органически слит с природой, ее дыханием и ритмами. Ему ведомо доподлинно, что даже в самую страшную пору сокровища сибирской тайги могут спасти тех, кто умеет слушать ее суровую песню.

Сдержанно, но выразительно очерчен в повести образ

Клавдии — молодой женщины, смело бросившей вызов кержацкому кругу. Отличительная ее особенность — высшее, непререкаемое воплощение справедливости. Во имя этого чувства, не раздумывая, идет Клавдия, прозванная в Вырубках дикой, с топором на озверевшую от слепой мести толпу мужиков. И именно она несет с высоким достоинством свою нелегкую житейскую долю, а в финале повести, пристроив взрослых сыновей, «будто исполнив все», тихо умирает. Здесь проглядывают черты многих женских образов последующих произведений писателя.

В 60-е годы творчество Астафьева развивается преимущественно в русле весьма популярных тогда жанров — повести и рассказа («Звездопад», 1960, вторая редакция, существенно отличающаяся от первой, — 1972, «Кража», 1965, «Где-то гремит война», 1967, «Последний поклон», 1957—1977, ряд сборников рассказов). Эти произведения принесли широкую известность их создателю, обозначили, наряду с книгами В. Белова, С. Залыгина, Е. Носова, В. Шукшина и ряда других писателей, начало нового этапа отечественной словесности. Интересно отметить, что Астафьеву принадлежит заслуга введения такого типа исповедальности, какого не знала так называемая «молодежная» проза. Заметно выделялась она (приверженностью к углубленному историзму и аналитичности) и из рядов лирической прозы.

«Молодежная», или иначе «исповедальная», проза, как известно, про шумела в течение нескольких лет с конца 50-х до середины 60-х годов. Это явление, отличавшееся повышенной тягой к сенсационности, духом разоблачительства (нередко мнимого), полным разрывом с традициями минувших эпох, было окрещено Астафьевым «литературным поветрием». Подлинного художника интересуют не сенсационные разоблачения, а познание закономерностей. Отсюда не возвеличивание, а осуждение того типа рассерженного акселерата, которого сделала своим кумиром «молодежная» проза. Если там погоня за сенсационностью, у Астафьева — неторопливое раздумье. Вместо фиксации случайного, болезненного — постижение истинной логики истории.

Пружина сюжета в его произведениях распрямляется неспешно. Это и понятно, ибо суть дела заключается не только в необходимости глубокой вспашки, но в обращении к тому инструментарию, который не рассчитан на очередную моду. Здесь нет места более или менее удачному

следованию за капризами скоропреходящего студенческого, молодежного, туристского аргю. У художника мы видим исследование подлинно народного языка, добываемого из артезианских глубин родниковой русской речи.

В повести «Кража» юные герои учатся самому трудному искусству в жизни — умению отдавать. Астафьев как бы продолжает одну из «вечных» тем мировой литературы, некогда отлившуюся в крылатую формулу Шота Руставели: «То, что взял, считай, пропало, то, что отдал, то твое». Здесь развенчиваются и претензии любителей скороспелого «расчета» на истинную свободу, показывается, что нередко под маской особой раскованности скрываются махровый эгоизм и анархическое своеволие. Потребительские настроения, нацеленность на исключительное место в жизни вызывают у автора отнюдь не восторг и восхищение.

Словом, в «Краже» (правда, на другом материале) была подхвачена и развита тема леоновского «Вора». А то, что проблемы эти в 60-е годы звучали более чем актуально, доказывал выход в свет второй редакции знаменитого романа, где Л. Леонов, обогащенный опытом десятилетий, четче поставил некоторые важнейшие акценты.

С еще большей художественной силой раскрываются наболевшие вопросы времени в книге «Последний поклон». Стремление показать истоки народного характера и его взаимодействие с крутыми изломами XX века обусловило терпеливый и всесторонний анализ таких его слагаемых, как сострадание, долг, совесть, красота. Книга населена множеством людей: взрослых и юных, счастливых и неудачников, оседлых и заболевших по своей или чужой воле охотой к перемене мест, натур цельных, упорных, настоячивых и тех, о ком в народе говорят: непутевый.

Однако в центре внимания две судьбы, два полюса — бабушка и внук. Хотя писателя необычайно заботит проблема преемственности в историческом процессе, на страницах «Последнего поклона» и в других книгах среднее звено как бы вынуто из череды поколений. В цепи предков и потомков особенно полно и рельефно выписаны бабушка и внук. Отчасти это объясняется тем, что у автобиографического астафьевского героя был непутевый отец, а заботливая, тонко чувствующая мать рано ушла из жизни. Многим святым и светлым обогатилось мирозерцание юного героя именно под влиянием бабушки.

Бабушка — Катерина Петровна — характер решительный и даже властный (не случайно односельчане прозва-

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
I	
У истоков нового художественного метода	5
Изобретатели разрушения	24
Гуманистический пафос советской литературы	31
II	
Искусство реалистического эпоса. <i>М. Шолохов и Л. Толстой</i>	50
Бессмертие «Тихого Дона». <i>Национальное и народное в эпосе Шолохова</i>	65
Традиции М. Шолохова и роман-эпопея в славянских странах	88
III	
Постижение истины. <i>Публицистика Леонида Леонова</i>	104
Гуманизм вещего слова. <i>Социально-философский роман Л. Леонова в общеевропейском контексте</i>	124
Литературоведческие парадоксы. <i>Творчество Л. Леонова в оценке критики 70-х годов</i>	149
Леонид Леонов и русская проза 70-х годов	165
IV	
Диалог с эпохой. Проза 70-х годов. <i>Основные тенденции развития</i>	177
Дорогой памяти. <i>Виктор Астафьев</i>	190
Истоки души народной. <i>Василий Белов</i>	212
Правда и нравственность. <i>Своеобразие сатиры В. Шукшина</i>	247
Эхо войны и память сердца. <i>Юрий Бондарев</i>	263
Примечания	284

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48